

1.

Воскресенье, 3 сентября

Стояло раннее утро. Он любил гулять в это время: воздух еще не прогрелся, дышалось легко. В парке было безлюдно. Первые любители бега трусцой появлялись здесь около семи, когда солнце начинало пробиваться сквозь листву. Потом на ежеутреннюю прогулку выходили собачники, становилось шумно. А пока, в лучах еще бледного утреннего света, он бродил здесь один с Тиффани, и ничто не нарушало тишину, кроме щебета птиц и непрерывного воркования голубей. Издалека донесся лай собак из приюта для бездомных животных. Тиффани застыла на месте, подняв хвостик и наострив уши.

— Ну, что там у них? Что они тебе говорят?

Он взял этого джек-рассел-терьера из приюта совсем недавно. Вообще-то собака была для него слишком молода. Или он слишком стар для нее. С ним ведь в любой момент может что-нибудь случиться — что тогда с ней будет? Когда его жесткошерстная такса Бенни после долгих страданий умерла, он твердо решил никогда больше не заводить собаку. Как он плакал, похоронив своего верного четвероногого друга здесь, в этом лесочке! Испытать еще раз такую боль? Нет, ни за что! Какое одиночество обрушилось на него! И какой пустой сразу стала квартира. Всю жизнь рядом с ним жили собаки, и он каждый раз тяжело переживал их смерть, но ему еще никогда не хотелось умереть самому, как это было после смерти Бенни. И все же в один прекрасный день ноги сами принесли его к приюту для животных.

«Может, у них найдется какой-нибудь старенький барбос для меня, старика, и мы еще успеем подарить друг другу немного тепла и радости?» — надеялся он. И тут ему подвернулась эта смешная собачонка, которая сразу покорила его. Его сердце мгновенно растаяло от ее взгляда, от лапки, которую Тиффани доверчиво положила ему на руку, едва только он наклонился к ней. Эта маленькая псина обвела его вокруг пальца! Она оказалась дерзкой, непослушной и шустрой, как электровеник, самозабвенно грызла его домашние туфли, с лаем гонялась за занавесками, которые раздувал ветер, прыгала утром к нему в постель и с веселым визгом облизывала ему лицо. Он чертыхался сквозь смех, но снова чувствовал себя живым человеком.

— Ладно, на парочку лет нас с тобой уж как-нибудь хватит друг для друга, а, Тиффани? — спросил старик и ласково потрепал ее по спине. — А сейчас пока что немного займемся твоим воспитанием. Ты меня слышишь, дворняга ты неотесанная?

Но Тиффани явно была чем-то встревожена и не обращала на хозяина никакого внимания.

— Что такое, Тиффани? Могилка Бенни тебя раньше вроде не интересовала. Да что с тобой?

Но собака лишь ощетинилась и тихо зарычала, а потом принялась рваться с поводка.

— Нельзя! Стоять! Ко мне, Тиффани!

Но она по-прежнему не слушала его, а потом залилась взволнованным лаем.

— Тиффани!

Старик тянул на себя поводок, прикидывая, что ему делать, если из кустов вдруг выскочит дикий кабан —

один из тех, что перекапывают землю в этом лесочке или роются в мусорных контейнерах близлежащих домов в поисках пропитания. Тиффани захлебывалась от лая, рвалась с поводка и вдруг исчезла вместе с поводком в зарослях. Лай сменился воем. И больше никаких звуков — ни шума борьбы, ни шипения, ни рычания. Старик нерешительно последовал за ней и с замиранием сердца раздвинул ветви.

— О боже!.. — вырвалось у него.

Понедельник, 4 сентября

Ветер стих, волны тихо ласкали песок. Бледная лазурь небес и густая синева моря сливались на горизонте. На небе не видно было ни облачка, солнце уже пригревало. Все предвещало приятный день. Дюваль бежал и был счастлив. Перед ним простирался пустынный пляж. Только чайки маленькими группками стояли у воды и ждали, когда волны вынесут на берег что-нибудь съедобное. Кое-где на песке виднелись густые прозрачные кляксы ядовитых медуз, которые в последние дни опять в большом количестве появились в Средиземном море и отбили у отдыхающих охоту купаться. Тем более что купальный сезон все равно уже заканчивался, большинство отпускников вернулись на работу, и в Каннах внезапно воцарился покой. В сентябре местные жители еще не чувствуют себя в привычной, «домашней» обстановке, но даже немногие оставшиеся туристы редко появлялись на пляже раньше десяти. В такую рань комиссар был здесь почти один, если не считать тех нескольких пожилых господ, которые предпочитают лишний раз не выставлять напоказ свои дряблые старческие тела. Все ранние посетители пляжа знали друг друга, у каждого было свое постоянное место, все почтительно здоровались друг с другом. Дюваль тоже приветливо махал им рукой, пробегая мимо. Ему так же приветливо махали в ответ: благодаря частым утренним пробежкам, он уже стал здесь своим. Иногда они обменивались двумя-тремя дежурными фразами. Чисто символически. Что-нибудь вроде: «*Bonjour!*»² А потом, бросив

---

² Добрый день (фр.). (Здесь и далее — прим. переводчика.)

оценивающий взгляд на небо, гадали по поводу облачности и силы ветра: «Интересно, испортится погода или нет?» — «Ах, кто ж его знает!» Но главный вопрос — вопрос вопросов! — тот, который ранним утром на пляже дает повод немного поболтать даже с совершенно незнакомыми людьми, звучал очень просто: «*Elle est bonne?*»³ Речь шла о воде. В сущности, это был риторический вопрос. Вода, море всегда по определению хороши. «*Elle est bonne?*» — «Водичка — что надо!» Дюваль еще ни разу не слышал, чтобы утром вода оказалась «холодной». Ибо подобно тому, как на вопрос о самочувствии обычно отвечают жизнерадостным: «*Ça va!*»⁴, ответ на вопрос: «Как вода?» тоже всегда одинаков: «*Aaah, elle est bonne!* Вода отличная!» А медузы? Да какие там медузы! Они тут совершенно ни при чем, да и вообще — вон там их нет. Для человека, который привык купаться круглый год, какие-то медузы не помеха. Пусть они хоть трижды ядовитые!

Может, сегодня наконец поесть где-нибудь по-человечески? Эти сэндвичи, которые комиссар все лето глотал на ходу, уже порядком ему надоели. Пожалуй, на берегу, тут потише. Или поехать в Теуль? Дюваль обнаружил в этом местечке ресторанчик, который хоть и был расположен на одной из боковых улочек и не мог похвастаться живописными видами, зато каждый раз поражал его восхитительной кухней. При одной мысли о хорошем обеде у Дюваля потекли слюнки. Он давно туда не заглядывал. Все никак не удавалось добраться в подходящее время — Корниш, дорога вдоль побере-

---

³ Ну что, хороша? (фр.)

⁴ Все в порядке (фр.).

жья, была постоянно забита машинами, которые тащились, как черепахи.

Лето выдалось тяжелым. Вся страна на два месяца погрузилась в сладостный отпускной анабиоз: все булочники, мясники и прочие торговцы одновременно закрыли свои лавки и магазинчики, и даже медики работали спустя рукава. В столице тоже все вымерло — во всяком случае, там, где не толпятся туристы. Лишь отдельные застрявшие в городе парижане, лениво сидели в уличных кафе за бокалом красного вина, наблюдая сонную жизнь летнего города. А маленькие Канны в летние месяцы просто трещали по швам. Все словно сговорились отправиться на Лазурный берег, где была относительная гарантия солнца. Канны, казалось, вибрировали от лихорадочной суеты. Население города мгновенно выросло втрое, террасы ресторанов практически не пустели, да и на пляже было трудно найти свободный лежак или просто место для полотенца. Летом в Каннах было невероятно шумно. День и ночь где-нибудь звучала музыка, все бары на пляже были оборудованы звуковыми колонками; даже из фешенебельного ресторана «Карлтон» доносилось буханье басов. Люди выкладывают целое состояние за комнату с видом на море на набережной Круазет, а их до трех ночи глушат музыкой. Повсюду пьяные водители, драки перед дискотеками, ночные перепалки между веселящимися туристами и раздраженными местными жителями. Полиция все лето работала в режиме постоянной боевой готовности, и начальству, как и каждый год, в самую «горячую пору» пришлось запросить пополнение из соседних округов. Потому что у преступников

тоже был разгар сезона: отдыхающие слишком беззаботно относятся к своему имуществу. На пляже то и дело пропадали дорогие мобильные телефоны или солнцезащитные очки, в суতোлке улиц у людей выхватывали из рук кошельки и сумочки, срывали цепочки, угоняли автомобили; количество гостиничных краж зашкаливало, потому что в такую жару каждый оставляет настезь раскрытыми окна и балконы.

В довершение ко всему, Дюваля выматывала эта влажная жара; он порой выбивался из сил, несмотря на кондиционеры в машинах и в кабинетах. Утреннее купание, которое вошло у него в привычку, хоть и облегчало жизнь, но в удушливо-жаркие дни — совсем ненадолго. Поэтому иногда он наведывался на пляж и вечером, но это было уже совсем не то: шум, гам, народ купается целыми семьями, молодежь с визгом прыгает в воду, играет в мяч или устраивает пикники. Повсюду мусор, урны переполнены, а вода в море — мутная. Он предпочитал раннее утро, когда пляж уже очищен от грязи, а по берегу прошли специальные машины, разравнивающие песок, который после этого какое-то время кажется девственным.

Это сентябрьское *rentrée*⁵ было для всех чем-то вроде Нового года. Насколько страстно народ в эти два месяца предавался отпускной эйфории, настолько дружно он теперь переключился на чемоданное настроение. Все начиналось снова — работа в магазинах, офисах, медицинских учреждениях, все вновь медленно, со скрипом, приходило в движение, как заржавевшее мельничное

---

⁵ Здесь: начало учебного года (фр.).

колесо после долгого простоя. Школы и университеты открывали двери. Его дети после девятидневных каникул уже с нетерпением ждали возвращения в школу, встречи с одноклассниками. Он вспомнил, с какой гордостью Лили показала ему новенький розовый ранец и как радовалась платью, купленному специально для *rentrée*. Маттео на будущий год уже пойдет в коллеж. Как быстро летит время! Теперь Дюваль редко видел сына и дочь, он каждый раз удивлялся их скачкам роста и развития. В свете всеобщего возвращения к труду Дюваль надеялся, что с *rentrée* для него и его коллег наконец-то наступит относительно спокойная жизнь.

На обратном пути он на бегу захватил в «Двух пальмах» пару круассанов. Бернар, владелец магазинчика, пожилой приветливый господин, полистал толстую тетрадь, нашпигованную бумажками и записочками, и внес сумму в соответствующую графу. У него до сих пор можно было брать продукты в кредит, если бюджет к концу месяца давал трещину, а это случалось с его клиентами все чаще. Но Дюваль не покупал в кредит, а, напротив, брал продукты в счет заранее внесенной суммы. Так ему не нужно было брать с собой деньги, отправляясь на ежеутреннюю пробежку с последующим заплывом. Он частенько покупал здесь на обратном пути пару круассанов, фрукты, багет или бутылку *розé*. В другом месте он, возможно, купил бы все это дешевле, но ему нравился этот маленький, всегда любезный человечек со своим старомодным магазинчиком, и его клиентство носило скорее благотворительный характер. Кроме того, он мог быть уверен в свежести и хорошем качестве продуктов. Кто знает, сколько они еще продержатся, эти магазинчики? Этот, скорее всего, пре-

кратит свое существование, как только Бернар уйдет на покой. Они с Дювалем уже не раз обсуждали эту тему. Старик собирался купить небольшой дом и переехать туда с женой. К сожалению, придется искать что-нибудь подальше от Канн: цены на недвижимость так выросли, что настоящим каннцам город стал совсем не по карману. Обычно Дюваль с Бернаром обменивались двумя-тремя словами о погоде, о здоровье, иногда — при виде какого-нибудь заголовка газеты «Нис-Матэн» — саркастическими или пессимистическими репликами по поводу политического положения. Но сегодня Дюваль не стал задерживаться.

— У меня там еще что-нибудь осталось, Бернар?

— Не беспокойтесь, мсье Дюваль, еще больше двадцати евро. Погодите, я вам сейчас скажу точно...

Он опять принялся листать свою тетрадь.

— Нет, нет, не обязательно! До завтра, Бернар!

— До завтра! — крикнул тот вслед Дювалю, который уже бежал дальше, размахивая бумажным пакетом с ароматными круассанами.

* * *

— *Bonjour!* Что нового? — весело произнес Дюваль и, окинув взглядом присутствующих, налил себе кофе.

Приобретение кофеварки с встроенным термосом резко повысило настроение сотрудников комиссариата, которые до этого вынуждены были довольствоваться кофе из автомата.

— В отеле на набережной Круазет опять кража. Когда это кончится?.. Коллеги из отдела квартирных краж начали расследование еще вчера вечером.

Леблан протянул Дювалю отчет.

— А вчера утром в парке Вальмаск нашли изуродованный труп. Но это дело уже на столе у Гальяно. А нам милостиво разрешили заняться кражей.

Вилье скорчил гримасу.

Комиссар задумчиво размешивал сахар в кофе. В результате перевода из Парижа в провинцию по его же собственному желанию, он стал сотрудником уголовной полиции, расследовавшей абсолютно всё, включая убийства, в зависимости от решения следственного судьи⁶. Прощай золотая пора «убойного отдела», сотрудники которого всегда считались в полиции белой костью! Прощай неограниченная свобода! То, что он блестяще справился со своим первым делом в Каннах, еще не означало, что ему теперь будут поручать вести расследование каждого убийства. Решения следственного судьи неисповедимы. И он покорился судьбе — у него не было другого выбора. Но о коллеге Робере Гальяно он был невысокого мнения. И не только потому, что этот темноволосый красавец с холеной трехдневной бородкой с первого дня работы Дюваля на новом месте стал для него своего рода соперником. У комиссара сложилось впечатление, что Гальяно старался не перетруждаться и довольствовался первыми результатами. Зато у него были прекрасные показатели, а быстрая раскрываемость всегда благоприятствует карьерному росту, который для Гальяно явно имел большое значение. Дюваль воспринял как наказание то, что ему подсунули

---

⁶ Должностное лицо, отвечающее за единоличное проведение судебного расследования по административным и уголовным делам, совмещает функции судьи и следователя.